

Виктор Дмитриев

Гиршман и Деррида

Доклад на конференции в честь 75 летия
М.М. Гиршмана (Донецкий Университет)

Если относиться к понятию целостности как к строго научному определению, то возникает вот какого рода трудность: возможно ли ее *безусловно* доказуемое определение? Никакое чисто философское определение не является строго доказуемым, да и не должно таковым быть, поскольку философия не есть система строгих доказательств. Если бы она была таковой, то Гегель никогда не сказал бы, что Бытие есть ничто, а Хайдеггер никогда не сказал бы, что Язык – дом бытия. Всегда можно возразить, что все наоборот: Ничто это бытие, потому что только через бытие мы можем познать ничто, а язык – бездомен, ибо и бытие-то бездомно...

Я не хочу этим сказать, что понятие целостности – поэтическая метафора, я этим хочу сказать, что это чисто философское, метафизическое определение и относиться к нему надо именно философски. Оно ставит саму филологию в ряд метафизических наук, что и составляет особенность Донецкой филологической школы, причем не просто особенность, это ее *лицо*, ее профиль. В этом плане определение Гиршмана можно сравнить со знаменитой деконструкцией Дерриды. Термин Дерриды – чисто философское определение, последнего обоснования которому сам философ дать не смог, да, кажется, даже и не пытался. Вот вам доказательство тому, что последнего доказательства не было: «Деконструкция - это не просто архитектурная техника, которая умеет разрушить то, что сконструировано, это вопрос, касающийся самой техники, самой авторитетности архитектурной метафоры, вопрос, который деконструирует ее собственную архитектурную риторику. Деконструкция поэтому не является... лишь техникой перевернутой конструкции. Можно сказать, что нет ничего более архитектурного, чем деконструкция, но также нет ничего и менее архитектурного, чем она.»¹

Прямо и недвусмысленно это определение диктует нам свое прочтение понятия «деконструкция» как принципиально непрочитываемого и в этой

---

¹ «Архитектура и философия», интервью с Жаком Дерридой. «Беседа», религиозно-философский журнал, #4, Ленинград-Париж, 1986, стр.127

непрочитываемости нужно искать собственно онтологическую основу деконструкции, в этой непрочитываемости моделируется принципиальная непрочитываемость Бытия, его принципиальная *непроживаемость*. Мы не можем не говорить «Бытие», но мы не можем *прожить* бытие, значит мы не можем и *говорить*, хотя и знаем, что оно есть и говорить о нем *как о целостности* просто обязаны.

Теперь включим компьютер и найдем в википедии понятие «онтология». Этих определений приведено еще больше, чем определений к «деконструкции», аж в алфавитном порядке, да к тому же, чуть ли не весь алфавит без исключения. Все определения, в общем-то, сводятся к тому, что онтология это метафизика... Вот почему было забавно читать в одной из кораблевских книжек, как гость Донецкой школы Дмитрий Урусиков, под вежливо-насмешливое молчание слушателей, высмеивал понятие целостности. Что пытался высмеивать, это ладно, ибо высмеять целостность такая же трудная задача как и прожить бытие, забавность заключалась в другом – орудием высмеивания была деконструкция Дерриды. Одно метафизико-онтологическое определение он пытался вытеснить посредством другого. В жажде найти истину, вместо компьютера я «включил» Словарь иностранных слов, старенький подизношенный том. Нашел понятие «онтология». Никаких алфавитов и нескольких компьютерных экранов, покрытых мелкими буквами. Всего полторы строчки. Вот они: «ОНТОЛОГИЯ [гр.*on* (ontos) сущее + ...логия). – философское учение о бытии...»² Между прочим, можем сравнить с определением, данным электронным философским словарем: «В новых онтологических учениях под Онтологией понимается система всеобщих понятий бытия, постигаемых с помощью сверхчувственной и сверхрациональной интуиции». Разве не видно, что «сверхчувственная и сверхрациональная интуиция» - та же «логия» из Словаря иностранных слов? И даже, я бы сказал – хуже, ибо в понятии «логия» нет тавтологичности, которую находим в выражении «сверхчувственная и сверхрациональная интуиция». Ведь «чувственное» уже и означает «интуитивное», оно-то и является «сверхрациональным», и в этом *сверх* нельзя не увидеть оттенок некоего самозванства, оттенок некоей претензии на превосходство над рациональным, хотя это всего лишь именно

---

² Словарь иностранных слов, М, «Русский язык», 1981,355

«оттенок», намек на то, что и рациональное, в конечном итоге, невозможно доказать до конца, нельзя «прожить», нельзя «пройти»...

В понятии «онтология» бытие и рацио, бытийное и рациональное, тесно слились в некоем символическом объятии. И там, где мы видим это объятие, нежелание углубляться в бесконечные тавтологические, псевдонаучные формулировки, там Дмитрий Урусиков углядел «пустоту». Он истраковал ее в чисто бытовом плане, как и следовало ожидать от трактовки, которую *быт* дал бы *бытию*. С точки зрения *быта* бытие непроходимо, там нет порядка, дисциплины, там нет *научности*... Под научно-критическим взглядом Урусикова гиришмановская целостность из полноты бытия превратилась в «пустоту бытия», потому что бытие, с точки зрения *быта*, вне порядка – невозможно, оно становится непроходимым, непроживаемым... В этом случае бытие становится домом, в котором надо навести порядок...

Заменим в рассуждениях Дерриды слово *деконструкция* словом «бытие» и что получим? «Можно сказать, что нет ничего более архитектурного, чем *бытие*, но также нет ничего и менее архитектурного, чем *оно*.» Или: «Нет ничего более архитектурного, чем *целостность*, но также нет ничего и менее архитектурного, чем *она*.» Вне «целостности» бытие неархитектурно, бесформенно, а это значит, что в бытии нельзя *быть* сознавая себя. Беда вся в том, что в союзе с *целостностью* бытие еще менее архитектурно, потому что жить-то в нем уже можно, но соглашаться с ним, не возражать ему, не бунтовать против его давяще-окрыляющей или окрыляюще-давящей «архитектуры» просто нельзя. Союз *целостности* с онтосом – союз сложный, не лишенный коварства, требующий постоянного и упорного бдения...

Читая знаменитую кораблевскую летопись донецкой филологической школы, я понимал, что меня захватил необыкновенно высокий уровень чисто научного общения участников. Не было среди выступающих ни Дерриды, ни Хайдеггера, но присутствие мировых философов, их соучастие в работе школы чувствуется очень сильно. Донецкая школа анализирует самое себя, школа не боится того, что Д.Урусиков назвал «пустотой», не боится точно так же, как торнадо не боится «глаза», довольно большого круглого по форме участка в самом центре бешено вращающейся стихии. Когда над вами висит этот «глаз», вы задаетесь вопросом: а где же обещанное торнадо,

такая благодатная стоит тишина? Сначала в выступлениях профессора Гиршмана меня несколько раздражало совершенно нескрываемое им однообразие настойчивости или наоборот: настойчивость однообразия, с которыми он говорил про свою целостность, но чем более я углублялся в летописные своды Кораблева, тем отчетливее стала проявляться эта фантастически трудная роль «медиатора», ураганного глаза, а проще говоря «деконструктора», который с тончайшим дипломатическим мастерством расположил вокруг себя таких диаметрально противоположных друг другу философов как Федоров и Панич, например; и с воистину талейрановским мастерством очень даже «дружит» с тем же В.Федоровым, и с неподражаемым философским великодушием воспринял Д.Урусикова.

Кто внимательно читал «Критику» Канта, может, заметил пристрастие Канта к понятию «категория». А задумывались ли вы над тем, в чем источник этого пристрастия? Да все в том же парадоксе онтологии, когда «логия» (сущее), пытаясь деконструировать «онтос», как бы собирается с силами, внимательно прицеливаясь к мысленно атакуемому объекту своим круглым «глазом». Чтобы удачнее атаковать, Кант решил превратить противника в ничто, в «вещь в себе», но для этого надо было превратить Ничто в решающе важный элемент познания. В момент этой рефлексии, на свой вопрос, что мне надо делать? скорее всего, он услышал голос откуда-то сверху, и очень может быть, что это был совет, данный ему из будущего, и озвучен он был голосом проф. Гиршмана: «Занять точку *вне времени и пространства*, необходимую, чтобы понять предмет.» За советом следовала сноска: «А.А.Кораблев. Донецкая филологическая школа. Ретроспекции. Горловка, 2007, стр.127». Самое интересное заключается в том, что в «Критике...» Канта такая вот точка уже есть и это отнюдь не «чистый разум», а «сверхсущее», о котором как-то не очень даже принято говорить. Но это тот самый «Бог», которого гениальный Шеллинг моментально узрел в кантовской вещи в себе.

Comment [VD1]: Сущее это логия, а не онтос

Comment [VD2]: Получается, что сверхсущее это вещь в себе, но так ли это, вот вопрос.

Мне кажется, что удача донецкой филологической школы заключается в захвате вот этой самой позиции, вот этой самой точки – вне времени и пространства. Пришел деконструктор Гиршман и перевернул «онтос» вверх ногами так, что книжки об этой школе долетели до Америки. Правда, лично у меня к книжкам есть одна маленькая претензия: на обложках надо было писать чуть длиннее, скажем так: «ретроспекции и деконструкции».

Над всей этой грандиозной постановкой, полной изумительно талантливых докладов и импровизаций, монологов и диалогов, и даже просто концертных номеров (я говорю о блистательных поэтических ристалищах, о том отдыхе от научных трудов, в котором художественная одаренность участников соперничает с их одаренностью как ученых), одним словом, над всем этим торнадо, поднявшим в воздух тонны интеллектуально-эстетического груза, парит фигура *режиссера*, озабоченного кантовской идеей *категориальности*. Недаром, между прочим, у Гиршмана есть прекрасный синоним целостности, это «сопряжение», сопряженность. Исключительно влиянию Гиршмана я обязан своим открытием того факта, что мы делаем неправильный перевод понятия категориальный императив. Надо переводить иначе: «*категориальный императив*». И это, между прочим, категориальный императив Гиршмана тоже. Это то, что характеризует его школу, это ее очень важная специфическая черта. Школа *категориальной* филологии.

Профессор Гиршман един в трех лицах: собственно теоретик (автор монографий и бесчисленных статей); педагог, и режиссер-постановщик потрясающих семинаров и конференций, всех этих ежегодных фестивалей мысли... Вот это всё, вся эта глубоко индивидуальная, неповторимо сложная биография тоже есть «целостность», без которой чисто теоретический термин профессора Гиршмана не полон, не «целостен», то есть – лишен своей *онтологийной* конкретики... Быть может, сам Михаил Моисеевич Гиршман и есть самая лучшая из возможных иллюстраций к своему знаменитому термину...

На этом я, пожалуй, закончу. Мне просто хотелось описать тот совершенно особый воздух, воздух после грозы, каким дышит сама атмосфера донецкой школы, это воздух разума, устремленного и в область своей чистоты (собственно логики) и в область онтоса, то есть априори обреченного на возвращающиеся состояние разрыва, т.е. уже не сопряжений, а напряжений. Читая материалы донецких конгрессов, усомниться в важности и уникальности такого онтоса как *литературоведение* просто невозможно, это система, смысл которой не просто соединение теоретических и практических элементов творчества, а их возгонка до степени некоей самостоятельной, несущей самое себя энергии (а лучше сказать энергетической конструкции, этакий эфирный тракт, выражаясь языком Платонова, но, конечно же, вне его научно-фантастической конкретики, когда атомы пожирают друг друга).

Хотя, впрочем, у этой конкретики есть своя доля присутствия и в судьбе донецкой филологической школы. О чем тут идет речь? Объяснимся.

У Дерриды есть фраза: «...Бог не всемогущ. При своем вторжении он терпит поражение.»³ В известном смысле, проф. Гиршман тоже терпит поражение. Он не может управлять движением поднятого им вихря до конца. Вихрь может занести школу в сторону чрезмерной религиозности, или чего-то еще, за что никто отвечать не может; вихрь может занести и самого профессора Гиршмана в сторону рассуждений, спонтанно-импровизационный дух которых способен вдруг напомнить ту самую вавилонскую башню, разрушение которой Деррида охарактеризовал как поражение Бога... Но ведь в том-то и сила термина «деконструкция», что элемент поражения является одной из непременных составляющих победы... Кто из великих деконструкторов не воплощает собой этого определения во всей его целостности, кто из них не терпел и не продолжает терпеть время от времени поражений? Победоносны не победы, а именно поражения. Вот почему каждый победитель в глубине души сам поражается своей победительности...

Одним словом, у *нашего* деконструктора понятие целостности не есть понятие именно вот этого понятия. Нет, оно есть понятие (категориальное, сопрягающее единство) того *метафизического знания*, имя которому литературоведение. Одним словом, для Донецкой мифологической школы объединяющим началом литературоведения является мировоззрение, которое можно определить как метафизическую целостность. Все органы сливаются в один, без драк на меже. Это – категориальный императив, он же – пристальный взгляд того самого *сущего*, которое направлено на бытие... Это модель их единства в противостоянии и противостояния в единстве. Почему категориальное? Да потому что не дело органа давать частные определения. Это вид сверху, с птичьего полета и вид из *самой* глубины одновременно. Это дистанция между двумя субстанциальными сущностями, пронизанная третьей субстанцией, имя которой пустота, а лучше сказать гравитационное поле, электромагнитное поле, эфир... эфир сопряжения. Это то, что

Comment [VD3]: Взгляд логики который направлен на сущее, на онтос.

³ «Архитектура и...», стр.126

объединяет Донецкую филологическую школу со всеми мыслителями всех эпох и народов, и то что делает ее несколько не похожей на них, полной неповторимости, своеобразия. Это то, что объединяет Школу с нею самой, постоянно и упрямо разрывая ее внутреннее единство спонтанными, неуправляемыми вспышками протеста, то есть той самой рабочей атмосферой, теми испытаниями на разрыв, вне которых такие термины как «другой», или «диалог», или «полифония» просто не работают, ибо непонятны, лишены вибраций бесчисленных, подчас едва наблюдаемых сопряжений, одним словом, того самого деконструктивизма, трансцендентальная мощь которого заключается не в теоретизированиях о нем, а в его непосредственном наличии, в волновых вибрациях трансцендентальности... В рамках всей этой проблематики вырабатывается сложная неоднородная пространственность, то есть тот самый *Дом*, в котором и «стены помогают», дом бытия, где и Язык и Сущее спасаются от своей бездомности. Даже само Ничто находит в этом Доме прекрасное убежище - чтобы удобней было общаться и с самим собой и с нами со всеми, то есть со своим *другим*...

Впрочем, не лучше ли обратиться к профессиональному философу Т.П. Чайке, которая, на одной из встреч, очень хорошо сказала:

«Знаете, для нас, философов, большой праздник, когда мы попадаем в среду историков, филологов, людей близких по предмету рассмотрения. Возникает такая стереоскопия интересная... Возникает такое объемное видение, которое в рамках своей науки редко случается. За возможность такого видения - ...вам спасибо.»

От всей души присоединяюсь к этой благодарности. Даже если и сам глава Донецкой школы, и вся эта школа без исключения отнесутся к моей благодарности с таким же лукавым добродушием, какое было проявлено ими по отношению к филиппикам Д.Урусикова, и которое так восхитило автора вот этого доклада.